

УДК 070

НЕВЫНОСИМОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЙ: КАТЕГОРИЯ ЖИЗНИ В ПОНИМАНИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

В.С. Варакин

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, 163002, Россия*

Аннотация

В статье с опорой на концептуальный аппарат «философии жизни» Г. Зиммеля анализируется подход журналистики к пониманию жизни как человеческого присутствия. Процедура понимания рассматривается в качестве акта вторжения в жизнь, совершаемого изнутри границ жизни, что может быть интерпретировано и как отстранение от жизни. При этом подчеркивается, что журналистика уничтожает смысл внешних для жизни зон, создавая нарративы о них, в дальнейшем трансформируемые в нарративы о жизни. Поскольку жизнь невыносимо катастрофична, пространство журналистских историй о ней автор тоже определяет как невыносимое. Основной тезис статьи состоит в том, что журналистика может, но не умеет мыслить, и это ее свойство позволяет понять, почему она производит видимое знание о жизни.

Ключевые слова: философия жизни, Г. Зиммель, понимание жизни, вторжение в жизнь, границы жизни, катастрофичность жизни, мышление, журналистская история, журналистский нарратив, видимость знания

В каждом акте понимания жизни журналистика неизменно остается внутри ее границ. Это, однако, вовсе не означает, что журналистика обладает неким «жизнеподобием». Это лишь означает, что ее понимание жизни всегда сопряжено с обесмысливанием зон, находящихся за границами жизни. И если рассматривать такое поведение журналистики как *отстранение от жизни*, то, апеллируя к В.П. Рудневу, необходимо считать это, как ни парадоксально, *вторжением в жизнь* [1, с. 5]. Вот только вторгается журналистика, повторим, изнутри, а не извне. И именно здесь (говоря языком постметафизики) – *условие невыносимости журналистских историй*. В свою очередь, у тех историй, которые, по выражению советского радиожурналиста Л.Е. Маграчева, сочинены жизнью [2], тоже *есть условие быть невыносимыми*. Хотя журналистика, рассказывая свои истории об историях, руководствуется языковой формулой метафизики: если существующее таково, оно *должно абсолютно быть* [3, с. 59].

В данной статье нам предстоит ответить на два основных вопроса.

Первый: если жизнь невозможна без прорыва своих границ, то почему в рефлексировании над нею журналистика способна лишь *передвигать* эти границы? Ведь преодолевать границы *восприятия жизни* она умеет.

И *второй* вопрос: почему журналистика, стремясь уничтожить внешние для жизни пространства, обнаруживает у себя *неумение мыслить*? Ведь создаваемые ею нарративы о жизни изначально являются нарративами о том, что находится *за пределами жизни* и что *требует* от познающего умения мыслить.

Но прежде, разумеется, необходимо раскрыть категорию «жизнь».

Заявив информационному агентству «Интерфакс» 6 октября 2015 г., что через три дня, 9 октября, в Москве выпадет первый снег, глава Гидрометцентра России Р.М. Вильфанд тем самым перевел читателя через границу восприятия в зону *Извне* (I). И указал на то, что это *Извне может быть уничтожено*. Не что иное, как *уже уничтоженное Извне*, было представлено в тот же день, но часом раньше в сопровождавшемся видеозаписями рассказе ведущей «Прогноза погоды» на телеканале «Россия 24» Е.С. Григоровой о «самом настоящем снеге» в нескольких районах Санкт-Петербурга, «почти зимнем пейзаже» в Вологодской области и «настоящей пурге» в Мурманской (II). А 1 октября, для того чтобы объяснить зрителю, как *Извне умеет менять формы* и как, несмотря на это, его *можно уничтожить*, в утреннем выпуске «Прогноза погоды» на «России 24» привлекли ресурсы политейнмента. Ведущий специалист центра погоды «Фобос» Е.А. Тишковец уверял: сложившиеся в Сирии погодные условия позволят российским Воздушно-космическим силам успешно ликвидировать командные пункты, склады боеприпасов и скопления военной техники террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в России) (III).

С. Жижек недаром определил земную атмосферу как *Извне*, или *Запредельное* (*Beyond*). Ведь этот «глобальный и замкнутый на себе» таинственный механизм порождает не только облака и ветра, но и – в нашем случае – снегопады и пыльные бури. То есть чаще всего порождает *катастрофы*. И, согласно С. Жижеку, существуют два принципиально различных способа описания таких катастроф: традиционная метеорология примет и спутниковая метеорология научных данных. Первая придает многообразным природным явлениям смысл: они непредсказуемы. При этом они считаются осмысленными лишь до тех пор, пока существует *Извне*. А существует оно за пределами нашего восприятия. Иначе говоря, с точки зрения традиционной метеорологии снегопад и пыльная буря приходят в наш мир, следуя законам, не связанным с законами природы. Они следуют тем «смысловым» взаимосвязям, которые мы для них находим. Поэтому-то, замечает С. Жижек, у нас и рождается ощущение онтологической безопасности: мы живем в ограниченном круге смыслов, в котором природные явления с нами «говорят». Однако для метеорологии научных данных никакого таинственного *Извне* не существует. Она избавляет закрытую систему земной атмосферы от «темного пятна» – зоны Недостижимого и Необъяснимого. Иными словами, осмысливая само *Извне* (а не только его «пришельцев»), она лишает это *Извне* смысла и таким образом уничтожает область *Запредельного* [4, с. 272–273].

Другим полюсом *Запредельного* предстают для нас подземные недра. И этот полюс мы тоже стремимся обесмыслить, разомкнуть его механизм – с помощью сейсмологии, например. Вот, допустим, 7 декабря 2015 г. корреспондент «Известий» сообщил: таджикские сейсмологи опровергли данные экспертов из Европейского средиземноморского центра о силе землетрясения, произошедшего в 10:50 по московскому времени в 367 км к югу от Душанбе (IV). История

о том, что были подземные толчки магнитудой не 7.2 балла, а 3–4 балла, – это история о *дважды* обесмысленном Извне.

Собственно говоря, отказываться от того, чтобы наделять Запредельное, как пишет Г. Зиммель, особым существованием, застывшей самостоятельностью, человек начал в эпоху Просвещения. Именно тогда наука объявила Запредельное иллюзией и стала *всё* помещать «в границы субъективной непосредственности» [5, с. 24–25]. А что такое «субъективная непосредственность»? Под нею следует понимать, опираясь на Г. Зиммеля, *жизнь*. В значении «жизнь людей», или, по-другому, «человеческое присутствие». Жизнь актуальна: она есть не что иное, как *акт самотрансценденции*. Другими словами – «единый акт возведения границ и их прорыва к иному». Ведь жизнь всегда выходит «в то, что актуальным не является». И это выхождение жизни за пределы самой себя является ее *сущностной структурой* [5, с. 11, 14–15, 16–17, 20]. То есть границы жизни чрезвычайно подвижны. И наука, во-первых, позволяет нам фиксировать движение жизни. А во-вторых, помогает жизни поддерживать ее актуальность. Однако в результате у нас исчезает ощущение онтологической безопасности. И, как правило, исчезает оно, когда за историями о действиях науки мы обращаемся к журналистике. Хотя это вообще не важно, за какими историями мы к ней обращаемся.

Итак, жизнь простирается от земной атмосферы до подземных недр. В конце концов, как подчеркивает Г. Зиммель, в бесконечном пространстве нашего мира ориентирами для нас выступают две границы: вверху и внизу [5, с. 7]. Однако жизнь как трансценденция самой себя захватывает всё новые участки и земной атмосферы, и подземных недр. Так земная атмосфера и подземные недра оказываются пространствами человеческого присутствия. И оно говорит нам о том, что жизнь есть «вечное воплощение в формах культуры» и одновременно «их преодоление», а *не только* «одна из форм существования материи», способная к размножению, росту, развитию и приспособляющаяся к окружающей среде [6, с. 194, 219].

Согласно Г. Зиммелю, жизнь повсюду индивидуальна, а индивидуальность повсюду жизненна [5, с. 19]. Данный тезис указывает на то, что и в биологическом, и в культурно-историческом плане мы не просто обладаем жизнью – мы *являемся* жизнью. А стало быть, выходим за пределы самих себя. Ведь человек – это «пограничное существо, не имеющее границ», то, «что должно быть преодолено» [5, с. 7–8, 11–12]. А может, жизнь как феномен культуры и истории предстает, по выражению Ф. Ницше, «только *тончайшей видимостью* той естественной целесообразности органического, но не чем-то от нее отличным?» Сам Ф. Ницше предположил, что развитие духа имеет дело не с чем иным, как с телом. И что развитие духа суть «*достигающая наглядности история* того факта, что *образуется тело более высокого порядка*. Органическое поднимается на еще более высокие ступени». В общем, здесь «*дело идет вовсе не о человеке – он должен быть преодолен*» [7, с. 433].

В связи с вышесказанным нельзя не привести два взаимодополняющих определения, которые дает жизни Г. Зиммель, – «более жизнь» и «более-чем-жизнь» [5, с. 20–25].

«*Более жизнь*» – это непопущаемость жизни в человеке как «высеченной и вращенной ею самой форме» [5, с. 22]. А.Ф. Филиппов характеризует «более

жизнь» как «непосредственное вожделение жизни», как желание жизни увеличивать только себя самоё [8, с. 148]. Иначе говоря, «более жизнь» суть следы человеческого присутствия в их витальном значении; это оформленные содержания жизни – *события*.

«Более-чем-жизнь» – это «постоянный выход субъекта в ему чуждое» или «творение чего-то ему чуждого» [5, с. 23]. Х. Фрайер называет это возникающее в жизни «чуждое» [объективным] духом, а процесс возникновения духа – теоретическим поворотом жизни. По Х. Фрайеру, «теоретический поворот жизни приводит ее к замыканию на себя, к саморефлексии, дистанцированию от мира». Снять такую обособленность жизни стремится творчество (в том числе, к слову, научное и журналистское) – вот почему оно предстает как страдание и страсть [8, с. 151] (см. также [9, с. 180–181, 192–193, 212–216]). Иначе говоря, «более-чем-жизнь» суть духовная жизнь; это освободившиеся от жизни содержания – *смыслы событий*.

Г. Зиммель резюмирует: «Сущность жизни обнаруживается в том, что она есть “более жизнь” и “более-чем-жизнь”, – положительная степень сразу оказывается сравнительной» [5, с. 25]. Да, именно такую сущность жизни за 20 лет до Г. Зиммеля описывал Ф. Ницше, выдвигая свой императив преодоления человека. И именно об этом – о человеке как преодолеваемой границе и о развитии духа в «тело» культуры – рассказывается, например, в каждой журналистской истории, репрезентируемой в рубрике «Жизнь без преград» на веб-странице «Социального навигатора», просветительского проекта МИА «Россия сегодня» (V).

Таким образом, жизнь – это *непрерывный* поток. И вместе с тем она остается замкнутой, *оформленной* в людях (обособленных носителях жизни) и переживаниях людей (содержаниях жизни), «образующих индивидуализированные центры» [5, с. 16]. Это говорит о том, что у жизни (как в биологическом, так и небологическом ее значении) всегда возникают новые границы, которые сигнализируют нам о появлении «темных пятен» – тех самых зон Извне. Скажем более: каждый из нас то и дело оказывается «темным пятном» – и для Других, и для себя. Ведь «темные пятна» есть не что иное, как продукт нашего восприятия. А поскольку наше восприятие ограничено, приблизить границы восприятия жизни к неуловимым границам самой жизни – вот чего мы желаем. Очевидно же, что если есть Извне, значит, есть и *Изнутри (Within)*. Размыкающее самоё себя Изнутри и *есть* жизнь. То, что Г. Зиммель определил как «*всё*», мы желаем *сделать* жизнью. Правда, за это желание нам приходится *расплачиваться смыслом*. Или, подобно лирическому герою песни В.С. Высоцкого «Москва – Одесса», отказаться от этого желания: «...Открыли всё, – но мне туда не надо!» (VI).

В своем стремлении уничтожить «темные пятна» *in toto* и тем самым помогать жизни разомкнуть себя журналистика похожа на науку. Как и, допустим, научная метеорология или сейсмология, журналистика, если воспользоваться выражением С. Жижека, *действительно угрожает «области смысла»*. Ибо она тоже подразумевает вполне конкретное действие – «пересечение фантазии». Получается, если нет «темного пятна» – нам некуда проецировать фантазию, а ведь фантазия обеспечивает горизонт смысла [4, с. 273]. Ссылаясь на П. Вирильо и Ж. Лакана, С. Жижек замечает, что «без доли слепоты нет ничего видимого».

И что без «слепого пятна <...> поле видения редуцируется до гладкой поверхности и сама “реальность” воспринимается как визуальная галлюцинация» [10]. Даже когда журналистика рассказывает истории о том, у чего *нет условия быть [таким]* (запретил ли Международный олимпийский комитет исполнение гимна РФ на зимней Олимпиаде 2018 г. в южнокорейском Пхёнчхане?), она все равно «пересекает фантазию». И вместе с Извне, которого желает сама, уничтожает смысл. Как и наука, журналистика способствует обнаружению того, что «мир состоит не из одних только скреп, а, напротив, распадается в ничто бессмысленности» [11, с. 22].

Тем не менее у журналистики есть важное отличие от науки. Согласно М. Хайдеггеру, *наука вообще мыслить не может – и в этом ее преимущество*. Ведь мышление – это берущее-перед-собой-восприятие, развертываемое в предъявлении (ре-презентации) наличествующего [12, с. 137–138]. А наука, вопреки гегелевскому установлению, пытается «зайти сзади» объекта, чтобы его «застигнуть врасплох» и познать, каков есть он в-себе [3, с. 9–10; 13, с. 56–59, 104]. Мышление – это способность повернуться к тому, что отвернулось и остается отвернувшимся. Наука же разворачивает отвернувшееся к себе и тем самым лишает его всякого смысла. Таким образом, замечает М. Хайдеггер, между наукой и мышлением лежит пропасть, и через нее мост невозможен – только прыжок. А прыжок «принесет нас не только на другую сторону, но и в совершенно другую местность» [12, с. 137–138, 142–144].

В отличие от науки *журналистика может мыслить, но не умеет*. Данное ее качество, вероятно, и имел в виду российский журналист Р.С. Баданин, когда в апреле 2015 г. на своем мастер-классе в Школе гражданской журналистики (образовательный проект, запущенный редакцией Colta.Ru) заявлял: «В самом широком смысле журналисты – тупые люди, все мы с вами». Слушателям Школы свою позицию Р.С. Баданин объяснил так: «Тот объем, горизонт тем, который вам предстоит в своей журналистской карьере охватить, шире любого образования, которое вы сможете получить в жизни. Очень часто, иногда с первого дня карьеры, журналистам приходится писать о том, в чем они не понимают или понимают хуже, чем люди, занимающиеся этим» (VII). Описываемое Р.С. Баданиным явление Платон некогда назвал – от лица Сократа, «цитирующего», в свою очередь, египетского царя Тамуса, – «*мнимой мудростью*» [14, с. 186], то есть «*видимостью знания*». С точки зрения Дж. Сименса, данной идеей Платон сумел убедительно выразить свой взгляд «на человека и его наивную веру в то, что технологии (у Платона речь идет о письменности и «письменах», или книгах. – В.В.) могут улучшить способность человека усваивать знания». Дж. Сименс подчеркивает, что в «эпоху Интернета» необходимо «попытаться найти новое определение к понятию “знание”» [15]. В общем, *видимость знания человека – это следствие его неумения мыслить*. И журналист здесь – не исключение. Потому-то журналистика и оставляет без ответа те вопросы, которые в первой строфе поэмы «Камень» задает Т.С. Элиот:

Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни?

Где мудрость, которую мы потеряли в знанье?

Где знанье, которое мы потеряли в сведеньях? (VIII).

Принимая во внимание представленную выше метафору М. Хайдеггера, можно сказать, что журналистика – это прыжок из науки в мышление. Через рассказываемые ею истории журналистика всегда переносит нас в другую «местность». И эта другая «местность» становится нашей. Действительно, согласно Г. Зиммелю, мир как нечто всеобъемлющее включает в себя и неизвестное, то есть другое – «не наше» [5, с. 25–26]. Журналистика же делает неизвестный мир «нашим» и удерживает его. Каждой своей историей она актуализирует формулу, которой подчиняется поведение любых задействованных ею артифицированных медиа (в том числе массовых) и которую артикулировал С. Бьюкатман: «...Вы там, даже если вас там нет» [16, с. 236]. Преодолевая границы человеческого восприятия, журналистика, если апеллировать к Г. Зиммелю, позволяет нам получить «иначе недоступное знание» [5, с. 9] и таким образом помогает расширить наш чувственный мир. Впрочем, какое знание мы получаем? Да не что иное, как платоновское «видимое знание», или, по зиммелевскому выражению, знание «о нашей ограниченности» [5, с. 9–10]. Здесь журналистика актуализирует другую предложенную С. Бьюкатманом формулу поведения артифицированных медиа: «...Именно технология указывает на границы человеческой способности определять и понимать» [16, с. 234].

Перенос нас в своем прыжке в другую «местность», журналистика неизменно подчеркивает, что мы живем в пространствах историй. И что истории с нами случаются. Причем именно так, как, по мнению А.А. Вознесенского, случаются стихи – «как чувства или же закат» (IX, с. 92). В романе английского писателя Д. Митчелла «Литературный призрак» один из персонажей высказывает, в сущности, *месседж* журналистики: «Мир человека состоит не из людей, а из историй. И нельзя винить человека в том, что та или иная история выбрала его, чтобы поведать о себе» (X). А чем же является то, что случается с человеком и через него повествует о себе, – история? Определенно, она является *событием* – «гетерохронной вспышкой», «временем, падающим в воронку изменения» [17, с. 8]. Однако как повествование может быть событием? Ведь событие – это, согласно В.А. Подороге, *разрыв* повествования или *пауза* в повествовании [17, с. 8]. Здесь допустим следующий ответ. Поскольку определение жизни *антиномично* (на этом настаивает Г. Зиммель [5, с. 19–20]), определение события как оформленного содержания жизни *тоже должно быть антиномичным*. В отличие от медали, знающей, что у нее есть лишь «обратная сторона» [3, с. 14], событие знает и о своей «лицевой стороне». В конце концов, отказ пресс-секретаря Президента РФ от комментария (например, по поводу заявления главы самопровозглашенной Донецкой народной республики о создании государства Малороссия (XI)) уже представляет собой комментарий. Таким образом, любое событие-история есть то самое “*recit*” Ж. Женетта: одновременно и дискурс, и его объект, и акт, заключающийся в том, что «некто рассказывает нечто» [18, с. 62–64].

Прав ли Н. Больц, утверждая, что человеческий мир (то есть жизнь) состоит из *standard stories*? [19, с. 29]. Вот, например, российский журналист М. Ярдаева с ним не согласна. Рассуждая в одном из своих эссе, размещенных в интернет-газете «Газета.Ru», о главных уроках ГУЛАГа, она замечает, что жизнь – всегда «кривая, негармоничная, вечно выскакивающая из всех схем, в какие бы ее ни впахивали, и вечно сцепляющая намертво несовместимое». Однако в качестве

посылки М. Ярдаева формулирует следующие вопросы: «Может, и лагерные свадьбы – это *нормально и естественно* (курсив наш. – В. В.), даже если они заканчивались расследованиями по поводу того, сколько литров водки было выпито на самом деле, и карцером для загулявших? Неужели это просто такая жизнь?» (XII). Да, жизнь такая. Эта бесконечная непрерывность *обособляется в схемах* и в то же время *вырывается из схем*. И это для нее *нормально и естественно*. Стало быть, Н. Больц прав.

Итак, *standard stories* о Запредельном журналистика превращает в *standard stories* о жизни, чтобы на основе последних создавать свои *standard stories* и оформлять то, что Больц называет *storying* [19, с. 29]. Но данный феномен можно назвать и так: *разветвленная сеть историй* (ибо «всё, о чем рассказывает какая-нибудь история, представляет собой связывание, соединение» [19, с. 29]). В общем, журналистика организует «*информационные сериалы*» [20, с. 23–27]: например, о нападении на заместителя главного редактора радиоканала «Эхо Москвы» Т.В. Фельгенгауэр во время прямого эфира в октябре 2017 г., об отставках глав российских регионов зимой и осенью 2017 г., о ведущейся российскими войсками «сирийской кампании», наконец, и т. д. Если воспользоваться терминологией, характерной для кинематографического дискурса, она организует сиквелы, приквелы и спин-оффы некогда рассказанной истории. И тем самым еще нагляднее демонстрирует, что она может, но все же не умеет мыслить. Ведь отвернувшееся от нее журналистика все равно стремится развернуть к себе, наделить смыслом – и немедленно уничтожить смысл.

Жизнь *катастрофична*. Катастрофы (то есть «*внезапные повороты, перевороты*») – это, как пишет Дж. Кин, сенсационные события [21, с. 291]. Однако, вопреки Дж. Кину, следует отметить, что катастрофы изначально не являются сенсациями. Таковыми их делает наблюдатель, и в частности журналистика. И уж вовсе не обязательно они «причиняют долгосрочный и весьма значительный вред людям и/или биосфере» [21, с. 291]. Г. Зиммель выделяет *два типа* жизненных катастроф: *рождение* и *смерть*. При этом «*всегда чувствовалась тайная связь рождения и смерти, их формальное родство*». Почему? Философ поясняет так: «...Оба эти события объемлют субъективную жизнь, трансцендируют ее вверх или вниз. Жизнь, за пределы которой они выходят, без них немислима, она поднимается над собою в рождении и развитии, она опускается в старости и смерти» [5, с. 21]. Само собой, речь идет о рождении и смерти *не только* в биологическом значении – как о рождении и смерти человека или любого другого живого существа. Это *могут быть* рождение и смерть организации, предприятия, институции, действия, статуса, даже идеи.

Жизнь *невыносимо* катастрофична. Когда мы соглашаемся с Г.М. Маклюэном, провозгласившим: «*Настоящие новости – это плохие новости*» [22, с. 232], мы соглашаемся с тем, что журналистика нам рассказывает *прежде всего истории о смерти*. И истории *со смертью* – кого-либо или чего-либо. В этом легко убедиться, обратившись к «повесткам дня» (*agendas*) выпусков печатных газет, новостных радио- и телепрограмм, к «топам» агрегаторов новостей и новостной ленте «Фэйсбука». Конечно, журналистские истории о рождении доминируют в «повестках дня», предьявляемых в корпоративной и lifestyle-прессе, на развлекательных радио- и телеканалах, а также на веб-порталах региональных

и муниципальных органов власти. Однако всё это – эмпирические аргументы, лишь подтверждающие маклюэновский тезис. Дело ведь не в том, *можно ли считать позитивные новости настоящими* (например, новости о способах рассказывать избирателям «позитивные новости», разработанных, по данным корреспондентов Русской службы Би-би-си и информационного агентства Reuters, в администрации Президента РФ в октябре-ноябре 2017 г. (XIII, XIV)). Дело в другом: *истории о рождении могут быть плохими новостями в зависимости от позиции наблюдателя*. Но в любом случае, как указывает А. де Боттон, «сверяться с новостями – все равно что подносить к уху морскую раковину, чтобы тебя сокрушил рев человечества» [23, с. 13]. «*Бремя новостей*» – это не только название программы телеканала «Дождь» (XV). Это еще и метафора того, как журналистика использует артифицированные медиа (и в том числе массовые), чтобы они, *открывая жизнь* [24], *бросали вызов жизни* [25].

Опираясь на Н. Больца, можно констатировать: человеческий мир, репрезентируемый журналистикой, *не столько сложен, сколько плох* [19, с. 43]. Но плох он еще и потому, что даже рождение – это катастрофа. Стало быть, то пространство историй, которое оформляет для нас журналистика, есть *действительно невыносимое пространство*. Это прежде всего *ее* гуманизм, гуманизм журналистики, «производит человечество как сообщество страшущихся, землю – как арену апокалипсической угрозы» [19, с. 48]. Данность такова: журналистика создает *непроходимую, герметичную* «реальность», возвращая нас, по выражению С. Жижека, «к опыту сближения с “ближним” с его, ее (или их) невыносимым, травмирующим присутствием» [26]. Неудивительно, что мы воспринимаем непроходимую эту «реальность» со страхом (и злостью, добавляет А. де Боттон, – вот «две эмоции, с которыми мы всё более ассоциируем новости» [23, с. 61]). Ведь наша жизнь – это то, что нам о ней рассказывает журналистика. И такая жизнь вопреки самой себе предстает перед нами *не просто обесмысленной, но замкнутой, обособленной*. И от того, что мы чувствуем свою обособленность, катастрофичность жизни удерживается. А тем самым удерживается и наш страх перед нею. Впрочем, страх сменяется на отключение от *здесь-и-теперь-нашей* жизни. И это тоже катастрофа.

Таким образом, когда журналистика вторгается в жизнь людей и передвигает ее границы, общественная система тем самым теряет, в терминах С. Жижека, уравновешенность, что, в свою очередь, приводит к катастрофическим последствиям. Иначе говоря, если вслед за С. Жижеком трактовать границу как *меру* или *водораздел*, которые надо *сохранять, а не нарушать* [26], то в такой трактовке как раз и обнаруживается условие, соблюдать которое журналистика не может, да и не должна. В противном случае люди лишатся в «лице» журналистики важного способа напоминать себе о *смысле своей жизни*, а он, как предположил Дж. Глик, состоит в *сдерживании энтропии* [27, с. 301]. Вероятно, это единственный смысл, не уничтожаемый, а, наоборот, конституируемый журналистикой. В конце концов, общественная система – равно как и любая другая – только в *неравновесном* состоянии способна производить информацию. Но за информацию она вынуждена расплачиваться энтропией. Потому-то журналистика и поощряет катастрофы – какими бы они ни были. Так журналистика напоминает людям о том, что значит *быть живыми*.

Источники

- I – Синоптики предсказали снег в Москве в среду // Интерфакс. – 2015. – 6 окт. – URL: <http://www.interfax.ru/moscow/471535>, свободный.
- II – «Погода 24»: теплое утро обманчиво // Россия 24. – 2015. – 6 окт. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2672100>, свободный.
- III – «Погода 24»: погода в Сирии летная // Россия 24. – 2015. – 1 окт. – URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/658151/%E2%80%A6#>, свободный.
- IV – Шаповалова А. Сейсмологи Таджикистана опровергли информацию о мощном землетрясении // Известия. – 2015. – 7 дек. – URL: <http://izvestia.ru/news/598466>, свободный.
- V – Социальный навигатор. Жизнь без преград // Россия сегодня. – URL: https://ria.ru/sn_disabled/, свободный.
- VI – Высоцкий В. Москва – Одесса. – URL: <http://lib.ru/WYSOCKIJ/v67.txt#44>, свободный.
- VII – Роман Баданин: «Журналист и его источники»: расшифровка мастер-класса в Школе гражданской журналистики // Colta.Ru. – 2015. – 28 мая. – URL: <http://www.colta.ru/articles/shkola/7472>, свободный.
- VIII – Элиот Т.С. Камень (Песнопения). – URL: http://lib.ru/POEZIQ/ELIOT/eliot1_09.txt, свободный.
- IX – Вознесенский А.А. Стихи не пишутся – случаются... // Вознесенский А.А. Стихотворения. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 92.
- X – Митчелл Д. Литературный призрак. – URL: <http://fictionbook.in/devid-mitchell-literaturniy-prizrak.html?page=132>, свободный.
- XI – Кремль не стал комментировать идею о создании Малороссии // Коммерсант.Ru. – 2017. – 18 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3360631>, свободный.
- XII – Ярдаева М. «Можно быть свободным в лагере, можно быть лагерником на воле»: Марина Ярдаева о вопросах и ответах ГУЛАГа // Газета.Ru. – 2016. – 30 июля. – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2016/07/27_a_9714605.shtml, свободный.
- XIII – Би-би-си: в России разработали план по выпуску позитивных новостей для избирателей // Коммерсант.Ru. – 2017. – 14 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3440147>, свободный.
- XIV – Кеффер Л. Reuters: Кремль поручил крупным российским компаниям поставлять позитивные новости // Коммерсант.Ru. – 2017. – 14 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3467228>, свободный.
- XV – Бремя новостей // Дождь. – URL: https://tvrain.ru/teleshov/bremja_novostej/, свободный.

Литература

1. Руднев В.П. Реальность как ошибка. – М.: Гнозис, 2011. – 320 с.
2. Маграчев Л.Е. Сюжеты, сочиненные жизнью. – М.: Искусство, 1972. – 189 с.
3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
4. Жижек С. Чума фантазий. – Харьков: Гуманит. Центр, 2012. – 388 с.
5. Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизические главы // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 7–185.
6. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

7. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – СПб.: Лениздат: Команда А, 2014. – 480 с.
8. *Филиппов А.Ф.* Восстание картезианцев: к социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. ст. – М.: Нов. лит. обозрение, 2006. – С. 124–152.
9. *Фрайер Х.* Теория объективного духа. Введение в культурфилософию. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 359 с.
10. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. – 1998. – № 1. – URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>, свободный.
11. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? – М.: Акад. проект, 2015. – 326 с.
12. *Хайдеггер М.* Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сб. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 134–145.
13. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – М.: Акад. проект, 2014. – 494 с.
14. *Платон.* Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–191.
15. *Trovatten R.* «Понятие человека эпохи Возрождения больше неактуально»: Джордж Сименс о будущем знания // Теории и практики. – 2015. – 13 февр. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7517-siemens>, свободный.
16. *Бьюкатман С.* Искусственная бесконечность. О спецэффектах и возвышенном // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. ст. – М.: Нов. лит. обозрение, 2006. – С. 233–256.
17. *Подорога В.А.* Предисловие // Посредник. Массмедиа, общество и культура. – М.: Р. Валент, 2016. – С. 5–12.
18. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашиных, 1998. – Т. 2. – С. 59–281.
19. *Больш Н.* Азбука медиа. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
20. *Миташева М.С., Варакин В.С.* Ретроактивный эффект и тележурналистский нарратив // Трансформация систем СМИ в современном мире: Материалы студ. науч.-практ. конф. – Архангельск: САФУ, 2017. – С. 21–27.
21. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 312 с.
22. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – 464 с.
23. *Боттон А. де.* Новости. Инструкция для пользователя. – М.: Эксмо, 2016. – 352 с.
24. *Артатов О.Л.* Олег Аронсон: «Кинематограф сейчас – это своего рода икона секуляризованного мира» // Теории и практики. – 2013. – 5 апр. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/6766-aronson>, свободный.
25. *Фролова Ю.* Отпечаток света: Мартин Скорсезе о языке кино // Теории и практики. – 2015. – 30 марта. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7445-martin-skorseze>, свободный.
26. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. – 1998. – № 2. – URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19>, свободный.
27. *Глик Дж.* Информация. История. Теория. Поток. – М.: АСТ, 2016. – 576 с.

Поступила в редакцию
12.03.18

Варакин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, 163002, Россия
E-mail: djurnapopuli@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 860–871

The Unbearable Space of Stories: The Category of Life in Journalism

V.S. Varakin

M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, 163002 Russia
E-mail: djurnapopuli@gmail.com

Received March 12, 2018

Abstract

Understanding the life as human presence in journalism has been analyzed using the conceptual apparatus of G. Simmel's "philosophy of life". The procedure of understanding is considered as an action of intrusion from within the borders of life into the life. This can be also interpreted as moving over life. It has been shown that journalism destroys the meaning of external zones by creating narratives about them, and these narratives are later transformed into the narratives of life. As journalistic narratives are always about someone, they can be designated as "stories". Every journalistic story turns out to be such an event of life, which should be defined as an antinomy. Along with other stories, it forms the ramified network of a kind of pauses in narrations of the life itself, or, in other words, the informational series. Considering that the life is unbearably catastrophic, the space of journalistic stories about it has been defined as unbearable as well. The main idea of the paper is that journalism can think, but is actually unable to do it – this feature reveals why journalism produces the seeming knowledge of life.

Keywords: philosophy of life, G. Simmel, understanding of life, intrusion into life, borders of life, catastrophism of life, intellection, journalistic story, journalistic narrative, seeming knowledge

References

1. Rudnev V.P. *Real'nost' kak oshibka* [Reality as a Mistake]. Moscow, Gnozis, 2011. 320 p. (In Russian)
2. Magrachev L.E. *Syuzhety, sochinennye zhizn'yu* [Stories Created by Life]. Moscow, Iskusstvo, 1972. 189 p. (In Russian)
3. Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*. Broché, 2006. 178 p. (In French)
4. Žižek S. *The Plague of Fantasies*. Verso, 1997. 248 p.
5. Simmel G. *Lebensanschauung: vier metaphysische Kapitel*. München, Duncker, 1922. 239 S. (In German)
6. Mikeshina L.A. *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of Cognition. Polemical Chapters]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2002. 624 p. (In Russian)
7. Nietzsche F. *Der Wille zur Macht. Versuch einer Umwerthung aller Werthe*. Leipzig, Naumann, 1901. 541 S. (In German)
8. Filippov A.F. Rise of the Cartesians: A sociological description of the film "Blade Runner". In: *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi* [Fantastic Movie. Episode One]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2006, pp. 124–152. (In Russian)

9. Freyer H. *Theorie Des Objektiven Geistes. Eine Einleitung in die Kulturphilosophie*. Leipzig, B.G. Teubner, 1923. 134 S. (In German)
10. Žižek S. Cyberspace, or unbearable isolation of being. *Iskusstvo Kino*, 1998, no. 1. Available at: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>. (In Russian)
11. Heidegger M. *Was Heisst Denken?* Tübingen, Niemeyer, 1954. 175 S. (In German)
12. Heidegger M. What does it mean to think? In: Heidegger M. *Razgovor na proselochnoi doroge* [Conversation on a Country Road]. Moscow, Vyssh. Shk., 1991, pp. 134–145. (In Russian)
13. Hegel G.W.F. *System der Wissenschaft*. Teil 1: Phänomenologie des Geistes. Goebhardt, 1807. 878 S. (In German)
14. Plato The Phaedrus. In: Plato *Sobr. soch.* [Collection of Works]. Vol. 2. Moscow, Mysl', 1993, pp. 135–191. (In Russian)
15. Trovatten R. “The concept of a Renaissance man is no longer relevant”: George Siemens on the future of knowledge”. *Teorii i Praktiki*, 2015, Feb. 13. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/7517-siemens>. (In Russian)
16. Beukatman S. Artificial infinity. On special effects and sublime. In: *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi* [Fantastic Movie. Episode One]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2006, pp. 233–256. (In Russian)
17. Podoroga V.A. Foreword. In: *Posrednik. Massmedia, obshchestvo i kul'tura* [Mediator. Mass Media, Society, and Culture]. Moscow, R. Valent, 2016, pp. 5–12. (In Russian)
18. Genette G. Narrative discourse: An essay in method. In: Genette G. *Figures*. Cornell Univ. Press, 1983. 285 p.
19. Bolz N. *Das ABC der Medien*. Wilhelm Fink, 2007. 163 S. (In German)
20. Mitasheva M.S., Varakin V.S. Retroactive effect and narrative of television journalism. *Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire: Materialy stud. nauch.-prakt. konf.* [Transformation of Media Systems in the Modern World: Proc. Stud. Sci.-Pract. Conf.]. Arkhangelsk, SAFU, 2017, pp. 21–27. (In Russian)
21. Keane J. *Democracy and Media Decadence*. Cambridge Univ. Press, 2013. 264 p.
22. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Routledge, 1987. 359 p.
23. Botton de A. *The News – A User's Manual*. Penguin UK, 2014. 272 p.
24. Artamonov L. Oleg Aronson: “Today's cinema is a kind of icon of a secularized world”. *Teorii i Praktiki*, 2013, Apr. 5. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/6766-aronson>. (In Russian)
25. Frolova Yu. Imprint of light: Martin Scorsese on the language of cinema. *Teorii i Praktiki*, 2015, March 30. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/7445-martin-skorseze>. (In Russian)
26. Žižek S. Cyberspace, or unbearable isolation of being. *Iskusstvo Kino*, 1998, no. 2. Available at: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19>. (In Russian)
27. Gleick J. *The Information. A History. A Theory. A Flood*. HarperCollins UK, 2011, 544 p.

⟨ **Для цитирования:** Варакин В.С. Невыносимое пространство историй: категория жизни в понимании журналистики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 860–871. ⟩

⟨ **For citation:** Varakin V.S. The unbearable space of stories: The category of life in journalism. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 860–871. (In Russian) ⟩